
ЭССЕ

В. М. АЛПАТОВ

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

В современной культуре отчетливо различаются две основные концепции справедливых социальных отношений: гуманистическая и рыночная. За последние десятилетия рыночная концепция сделалась почти безусловно доминирующей. По мнению автора, такая ситуация является временной.

Ключевые слова: справедливость, гуманизм, коллективизм, эгоизм, интеллигенция, наука, СССР, Запад, США.

Уже несколько столетий в мире (прежде всего на Западе и в России) конкурируют различные концепции справедливости, которые могут быть сведены к трем основным. Одна, религиозная и исторически первичная («Герпи здесь, а в загробной жизни восторжествоует справедливость»), сейчас мало актуальна, поэтому далее я буду обсуждать лишь две другие концепции.

Первая из них – концепция «идеального государства, населенного людьми высоконравственными, глубокими, ищущими истину, благородными и творческими» (Тихомиров 2006: 154); впрочем, в ряде ее вариантов государство вообще не предполагалось. Идеал и пути движения к нему могли пониматься по-разному. Так, только в России взгляды Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, Л. Н. Толстого, В. И. Ленина и, скажем, братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких в 1960–1970-е годы (когда уже наступило разочарование в «реальном социализме», но идеал еще оставался прежним) существенно различались. Одни предполагали необходимость идеального государства, другие надеялись на его отмирание; одни считали, что надо идти от морали, другие – что от экономики. Но все сходились в том, что следует менять и общество, и человеческую природу, что люди должны быть творческими, моральными, свободными от по-

роков, должны действовать сообща, изживая индивидуализм. Разумеется, действительность была далека от идеала, но в повседневной жизни предписывалось исходить из жестких моральных требований, пусть не всегда легко выполнимых («Правь выше по течению, иначе снесет»).

Эта концепция восходит к временам гуманизма. На Западе те или иные варианты данной традиции реализовались и в период Великой французской революции, и в Парижской коммуне, и у ранних социал-демократов времен первых двух Интернационалов. Начиная с XIX века эта концепция и эта традиция получили широкое распространение в России. Конечно, здесь многое имело западные корни, но разные модификации традиции были присущи русской, особенно разночинной, интеллигенции. Несовершенство царского строя было слишком очевидным, порядки в передовых странах Запада оценивались выше российских, но речь шла не только о копировании западного опыта: хотелось идти дальше, к «идеальному государству» или к «бесклассовому обществу». Победа большевиков оказалась первой победой гуманистической концепции на государственном уровне, она стала официальной. Господствовала она и в мировом коммунистическом движении. Большую часть XX века именно это движение стало ее главным выразителем на Западе, тогда как в Азии, Африке и Латинской Америке владели умами и ее варианты – от «африканского социализма» до учений М. Ганди и Дж. Неру. Другой вопрос – насколько реальность в странах, где идеи справедливости для всех входили в официальную доктрину, соответствовала этой концепции. Разрыв между словом и делом оказывался значительным, что и стало одной из причин массового разочарования в этих идеях.

Несомненно, советское воспитание основывалось на вышеуказанных принципах. Так ли они отличались от принципов, которым следовала дореволюционная русская интеллигенция? Коллективизм, забота о людях, стремление преодолевать трудности, интерес к работе при равнодушии к бытовой стороне жизни, презрение к материальному успеху, высокие моральные требования – все это оставалось в основе воспитания. Не буду приводить хорошо известные всем примеры, касающиеся героев войны и трудового фронта, бойцов комсомольских отрядов или космонавтов, на которых воспитывались поколения. Вспомним двух людей, прославившихся в совсем иной области.

Почти вся жизнь и деятельность нашего великого математика академика Андрея Николаевича Колмогорова (1903–1987) пришлись на советское время. Несколько лет назад вышла очень содержательная книга его ученика профессора В. М. Тихомирова (2006), не свободная от «демократических» стереотипов, но рисующая очень привлекательный образ человека, неуклонно следовавшего гуманистической концепции справедливости. Колмогоров отличался «оптимизмом, надеждой “на лучшее будущее”, верил “в науку и человеческий разум”» (Тихомиров 2006: 108); «постоянно устремлялся в светлое будущее, он готовил его и как бы старался жить в нем» (Там же: 150). Ученый был воспитан в традициях левой разночинной интеллигенции (в его роду – дворяне и священники), не состоял в партии. Как пишет биограф, в послереволюционные годы он «предвидел будущие трагические катаклизмы, но считал их неизбежной исторической данью, которую человечество платит (неизвестно, впрочем, кому) за движение вперед» (Там же: 28). Рамки советского строя дали Колмогорову возможность полностью реализоваться: он мог служить своему Делу, получил и общественное (в том числе международное), и официальное признание.

Другой ученый – радиопизик, академик Александр Андреевич Расплетин (1908–1967). Человек того же поколения, тоже из разночинцев и даже земляк Колмогорова – оба из Ярославской губернии. В отличие от Колмогорова он был членом КПСС, но по духу они очень похожи. Вот как вспоминала о нем посторонняя женщина, соседка по квартире: «Квартира коммунальная. Шестой этаж. Население – 17 человек. Но жили дружно, переносили все тяготы и невзгоды... Помню, поздней осенью в самом центре их квартиры вздулся потолок. Жена его, Нина Федоровна, говорит: “Сходил бы посмотрел, в чем там дело”. Он был легок на подъем. Взобрался на плоскую крышу, сориентировался, где центр комнаты. Пошел туда... Потолок под ним проваливается, он “вплывает” в комнату и... остается в “подвешенном” состоянии: успел ухватиться за балку потолочного перекрытия. Мы, конечно, детей по соседям. Холодно. А он категорически отказался “эвакуироваться”. Луна периодически через пролом в потолке показывается, а он пододвинул кровать так, чтобы видеть ее. Надел шапку-ушанку. Улегся. Закурил. И начал напевать популярную в те годы песенку. Вот ведь какие люди бывают. Вскоре после войны Сталинскую премию получил. Жена

говорит: “Дети подрастают, проси квартиру”. А он: “Ничего, потерпим, другие хуже живут”» (Правьте... 1999: 372).

У человека, воспитанного в данной традиции, люди, подобные А. Н. Колмогорову и А. А. Расплетину (не дожившему и до шестидесяти: видимо, не щадил себя), не могут не вызывать восхищения. Но теперь в России это уже не столь однозначно, вряд ли современный «офисный планктон» поймет таких людей, в лучшем случае – сочтет чудаками. Теперь распространилась иная система ценностей, связанная с другой концепцией справедливости, также имеющей давние корни.

Этот взгляд на мир развивался в англоязычных странах с XVII–XVIII веков (Т. Гоббс, Б. Мандевиль и др.), а теперь внедряется повсеместно. Согласно ему, люди в основе своей порочны, а разврат, чревоугодие, лицемерие, стяжательство были, есть и будут всегда. Но главное – человек будет всегда думать о себе, индивидуализм и эгоизм не только неустранимы, но и чрезвычайно полезны, они служат главным или даже единственным стимулом всякого развития.

Поскольку же все эти эгоисты должны как-то устанавливать отношения друг с другом, то нужны регуляторы, чтобы эгоисты в «войне всех против всех», по выражению Гоббса, не уничтожили друг друга. Поначалу регулятором была религия, особенно страх попасть в ад, потом в ад стали верить меньше, и главным регулятором все чаще оказывались юридические отношения, прежде всего между индивидами. Англия, где в XVII веке был достигнут компромисс между аристократией и буржуазией (простые люди тогда в расчет не принимались), стала классической страной этой традиции, вскоре распространившейся на США. Стремление решать все конфликты не через человеческие отношения, а через «мертвую букву» закона, массовость и престижность профессии юриста (чуть ли не у всех американских президентов именно юридическое образование) – все это вызывало удивление у советских людей и, между прочим, у японцев. Общество рассматривалось при таком подходе как множество атомизированных индивидов. Континентальная Европа, особенно Франция, долго жила по иным понятиям, но во второй половине XX века, когда усиливались США, крепло атлантическое единство, а потом начал ослабевать СССР, данная традиция распространилась и на континент, где даже такие политические движения, как социал-демократия, поначалу опиравшиеся на иную традицию, постепенно в нее вписались.

Сейчас с ростом производительных сил и уровня жизни в западных странах такая идеология нашла адекватное выражение в культуре потребления и наслаждения. Как писал ставший жертвой политического убийства левый правозащитник С. Маркелов, наслаждение – «главный фетиш современного общества» (его слова приведены посмертно в «Новой газете» 22 января 2010 года). Престижное потребление превращается в главную цель жизни. Сфера досуга признается более значимой, чем сфера труда. Из трех главных ипостасей человека (биологической, социальной и духовной) на первый план выступает биологическая («основные инстинкты»), социальная сводится к юридической сфере, а духовная упраздняется за ненадобностью.

Советская культурная парадигма основывалась на образе светлого будущего. В либеральной идеологии Запада тоже постулируется «светлое будущее», но оно – экстраполяция «светлого настоящего». Считается, что люди уже достигли счастливой жизни, исходя из принципов Конституции США или аналогичных ей законов, а будущее сводится (если отвлечься от борьбы с «империями зла») к распространению «светлого настоящего» вширь (отсюда стремление американцев научить демократии, в том числе насильственным путем, «всяких иракцев и сербов»), решению отдельных оставшихся проблем вроде прав сексуальных меньшинств и животных и повышению качества потребления, прежде всего через научно-технический прогресс. Сравнив с мировоззрением Колмогорова, можно заметить, что оптимизма и здесь достаточно (хотя серьезное западное искусство не поддается этому оптимизму и очень мрачно), вера в науку, безусловно, присутствует, но наука – скорее вспомогательное средство для получения большего наслаждения, а вера в разум дискредитирована и выглядит устаревшей.

Конечно, люди вроде Колмогорова или Расплетина встречаются и на Западе. Либеральная система ценностей всем оставляет право на существование, включая «идейных» безработных, не желающих трудиться, а наука занимает довольно высокое, но уступающее бизнесу место в системе. Когда в 1950 году главная газета нашей страны два месяца вела дискусию по вопросам языкознания, завершившуюся выступлением И. В. Сталина, некоторые иностранные ученые высказывали удовлетворение тем, что где-то науке уделяется столь высокое внимание. Впрочем, и передовые статьи ведущих японских газет могут быть посвящены орфографии,

что трудно себе представить, скажем, в США. Такое внимание к науке, конечно, имело свои оборотные стороны (история с Т. Д. Лысенко), хотя итог дискуссии по языкознанию оказался скорее положительным (см.: Алпатов 2004: 168–213). В СССР много внимания уделялось пропаганде научных знаний, об ученых и их достижениях постоянно шла речь в газетах и по телевидению, тогда как на Западе (а теперь и у нас) об ученых говорят гораздо меньше, чем о персонажах шоу-бизнеса; если о науке и вспоминают, то лишь в связи с какими-либо сенсациями, часто к настоящей науке не имеющими никакого отношения.

В середине 1990-х годов один знакомый мне доказывал, что во всем мире наука – занятие для чудаков, только в «уродливом тоталитарном мире» ее ставили на не подобающее ей место, нормальный же человек должен заниматься более реальными делами, например, если он владеет японским языком, преподавать этот язык бизнесменам. Взгляд несколько утрированный (что было характерно для России тех лет), но отражающий массовое мнение общества потребления. А несколько лет назад я попал на территорию бывшего секретного института, возглавлявшегося когда-то Расплетиним. «Святая святых», внутренний двор института, – нараспашку, в огромном зале, где, видимо, было опытное производство, идет продажа бытовой техники. В советское время в официальной шкале ценностей наука стояла выше торговли, хотя в жизни бывало и наоборот. Теперь ценности приведены в соответствие с жизнью.

Наука оказывается своего рода престижным гетто. «Яйцеголовых» могут уважать, но они – белые вороны, поскольку для них стремление к наслаждению – не главная цель жизни. В рамках первой концепции справедливости науке обычно уделялось существенное внимание, хотя со стороны власти оно нередко оказывалось слишком навязчивым и мешало свободе творчества. Когда СССР был центром «второго мира», наука не могла не иметь для страны первостепенного значения, но если мы – то ли периферия «первого мира», то ли видная часть «третьего мира», то фундаментальная наука, по инерции еще существующая, просто становится обузой. А тем временем, похоже, восстанавливается «второй мир», но уже во главе с Китаем...

После 1991 года вторая концепция в том виде, какой она приобрела в обществе потребления, обрушилась на нашу страну с иными традициями и совсем иным уровнем развития производи-

тельных сил, отчего приобрела особо уродливые формы. У нас все вроде бы и так, как на Западе, и не так. Тихомиров, характеризуя взгляды Колмогорова, пишет, что слова «на лучшее будущее» сейчас «невозможно не взять в кавычки» (Тихомиров 2006: 108). Если кто-то у нас и понимает «лучшее будущее» по-западному – как слегка усовершенствованное настоящее, – то людей, гордых своим настоящим, у нас в отличие от западных стран мало, а остальным не до лучшего будущего, выжить бы в настоящем и не потерять того, что есть.

Безусловно, в СССР одним из самых очевидных недостатков был разрыв между словами и делами, он увеличивался со временем и стал одной из причин гибели строя. Выводы из этого, однако, при новом строе сделали своеобразные, но вполне вытекающие из современной западной системы ценностей. Советские начальники говорили о нравственности и развратничали, говорили о бескорыстии – и строили особняки, говорили о честности – и брали взятки. Но те, кто пришел им на смену, и не пытались привести свое поведение в соответствие с моральными установлениями (до какой-то степени все же ограничивавшими бесконтрольность советских начальников), а, наоборот, привели мораль в соответствие с практикой. Аскетизм и альтруизм не в моде. Прочно утвердилась упомянутая выше смена приоритетов в отношении науки и торговли. Мы пошли, впрочем, дальше Запада: там признаны нормой разврат и стяжательство, но не коррупция, поскольку она противоречит юридическим нормам, у нас же фактически узаконили, признав естественной, и ее.

В советское время, особенно ближе к его концу, лозунги постоянно расходились с реальностью, что вело к разочарованиям, но сохранение этих лозунгов воспитывало людей согласно определенным моральным принципам. И диссидентское, а позже и «демократическое», движение, все более обращая взоры на Запад, поначалу сохраняло строгие моральные принципы (в недостатке которых обвинялось советское руководство), а зачастую и советские идеалы. Я уже упоминал романы братьев Стругацких, где мечты о равенстве и справедливости вряд ли обуславливались лишь цензурными соображениями. Западный же либерализм не принимал ни советскую теорию, ни советскую практику и старался дискредитировать и то и другое. К 1970–1980-м годам он был особо безжалостен к теории, к системе ценностей, к стремлению (тогда во многом уже

номинальному) воспитать нового человека, чуждого потребительству и культу наслаждений. А на советскую практику смотрел иногда снисходительно, коль скоро вопреки всем лозунгам граждане СССР становились все более восприимчивыми к потребительской психологии...

СССР погубили не диссиденты (их к середине 1980-х годов в стране почти не осталось) и не нарушения прав человека (они волновали сравнительно немногих), а массовое желание (в том числе «элиты») потреблять, как на Западе. В падении советской власти сыграли роль не только публикация «Архипелага ГУЛАГ», но и, например, открытие первого «Макдональдса» в Москве (не случайно недавно особо отмечалось 20-летие этого события). Те, кто бывали за границей, знали, что «Макдональдсы» никогда не претендовали ни на высокое качество еды, ни на ее разнообразие, их преимущества – в быстром обслуживании и сравнительно низких ценах. А тут многочасовая очередь за дорогими по тогдашним расценкам и не слишком вкусными гамбургерами ради приобщения к волшебному уголку западного мира потребления.

Вина власти была в том, что стандарты потребления оказались слишком низкими, но проявилось и массовое желание отринуть чересчур жесткую мораль и потреблять в меру своих денежных возможностей. Последующие годы открыли перед частью этих людей широкие возможности для удовлетворения потребительских интересов, а другие потеряли и то, что имели. «Либеральная интеллигенция» (за редким исключением) забыла то, что еще недавно требовала, и пришла к полному принятию западных ценностей (те же братья Стругацкие и многие другие) и отказу от идеи совершенствования человеческой природы и самосовершенствования. Зато, публично отвергнув марксизм, она приняла концепцию первоначального накопления К. Маркса, разумеется, с иными оценками, оправдывая что угодно необходимостью быстрого создания класса собственников.

Вопрос о том, насколько каждая из двух концепций соответствует человеческой природе, сам по себе достаточно сложен. С одной стороны, приверженцы первой концепции нередко бывали прекраснодушны, а «течение сносило». С другой стороны, имеются серьезные аргументы в пользу того, что, например, врожденная склонность людей к агрессии – не досужая выдумка мизантропов (Назаретян 2008). Но из истории мы знаем много примеров и чело-

веческой солидарности, и альтруизма, и умения ставить, когда это необходимо, общественное выше личного.

Сейчас англосаксонская концепция, основанная на исконном и непреодолимом человеческом несовершенстве и превосходстве юридических отношений над иными, активно пропагандируется и рассматривается даже не как «единственно верная», но как единственная существующая в природе. Вот как комментирует речь Б. Обамы на праздновании 65-летия высадки союзных войск в Нормандии журналист А. Минеев: «Обама ухватил нюанс, который чаще всего ускользает из дискуссий о [Второй мировой] войне: русские сражались против оккупантов, американцы, англичане, канадцы – за модель жизнеустройства» («Новая газета», 10 июня 2009 года). То есть существует всего одна «модель жизнеустройства», а люди, не просветленные либеральными идеями, способны воевать лишь за самые простые цели (так в XVI–XIX веках европейцы смотрели на нехристианские народы). Целей же равенства и справедливого общества как бы вовсе не существует.

Опыт Советского Союза в глазах многих людей дискредитирует эти цели. И все-таки опыт был не только негативным, а цели справедливости и совершенствования человеческой природы живы. В том или ином виде они проявляются и в Латинской Америке, и в Восточной и Юго-Восточной Азии, иногда и в Европе – например, у антиглобалистов. Не умерли они, надеюсь, и в нашей стране...

Литература

Алпатов, В. М. 2004. *История одного мифа. Марр и марризм*. 2-е изд. М.: УРСС.

Назаретян, А. П. 2008. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: УРСС.

«**Правьте** на звезды...» Рыбинский край в отечественной науке XIX–XX веков / сост. Ю. И. Чубукова. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1999.

Тихомиров, В. М. 2006. *Андрей Николаевич Колмогоров*. М.: Наука.